

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ LEGO: КТО КОНСТРУИРУЕТ РЕГИОН?

УДК 327
ББК 66.4(0)
Ц 38

Авторский коллектив:

Санат Кушкумбаев, доктор политических наук (редактор)

Фарход Толипов, кандидат политических наук (PhD)

Абдугани Мамадазимов, кандидат политических наук, доцент

Тамерлан Ибраимов, кандидат юридических наук

Галия Ибрагимова, кандидат политических наук

Элла Бычкова – корректор

Ц 38 **Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион/** Под редакцией д.п.н. С.Кушкумбаева.
Алматы, 2016. – 44 с.

ISBN 978-601-80184-7-3

Вторая работа экспертной площадки CAPG «Алматы клуб» посвящена изучению такого дуализма как «внешний и внутренний регионализм», смысл которого заключается в придании региону Центральной Азии извне и изнутри разного статуса в мировой системе координат. Как известно, внутреннее регионостроительство и внешнее конструирование региона зачастую не только не совпадают в пространственных пределах, но и, что важнее, в геополитических перспективах. Зачастую внешнее конструирование и внутренняя самоидентификация региона заметно отличаются. Более того, отношение международного сообщества к центральноазиатской интеграции неоднозначное, в связи с этим авторы работы предполагают, например, что США поддерживают эту идею, Россия – отрицает, Китай – безразличен, а Евросоюз – сомневается. Авторы допускают также, что большинство региональных держав поддерживают идею объединения стран Центральной Азии. Об этом и о других интересных и важных сторонах внешнего конструирования можно узнать, прочитав работу, подготовленную известными в Центральной Азии учеными и экспертами из разных научных дисциплин.

Работа предназначена для широкого круга читателей.

УДК 327
ББК 66.4(0)

ISBN 978-601-80184-7-3

© Фонд им. Фридриха Эберта. 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Формирование зарубежных стратегий по отношению к Центральной Азии.....	6
Американская Центральная Азия.....	9
Европейская Центральная Азия.....	14
Российская Центральная Азия.....	18
Китайская Центральная Азия.....	22
Турецкая Центральная Азия.....	25
Иранская Центральная Азия.....	28
Южноазиатская Центральная Азия: Индия и Пакистан.....	30
Японская Центральная Азия.....	33
Южнокорейская Центральная Азия.....	36
От Центральноазиатского LEGO к региональному сотрудничеству (Вместо Заключения).....	39
Сведения об авторах.....	42

ВВЕДЕНИЕ

Страны ЦА испытывают на себе прямые и косвенные воздействия как незавершенной геополитической трансформации постсоветского пространства, так и эффектов глобализации. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан изначально видели регионализм и интеграцию как стратегическую перспективу.

Региональные взаимоотношения центральноазиатских стран, т.е. то, что можно назвать внутренним регионостроительством, были специфичным образом восприняты глобальными и региональными державами. Их видение извне региона Центральной Азии как географического пространства и как геополитического объекта/субъекта заметно отличалось и отличается от самоидентификации самих региональных стран. Таким образом, внутреннее регионостроительство и внешнее конструирование региона зачастую не только не совпадают в пространственных пределах, но и, что важнее, в геополитических перспективах.

В результате наложения внешнего и внутреннего регионализма появился еще один феномен, а именно: дуализм «внешний-внутренний регионализм», смысл которого заключается в придании региону Центральной Азии извне и изнутри разного статуса в мировой системе координат. Внутренний регионализм основан на стремлении стран Центральной Азии обрести более высокий субъектный статус в международной системе, а внешний – на сохранении более низкого объектного статуса региона. Фактически данный дуализм можно охарактеризовать как статусный дуализм.

Конструирование Центральной Азии изнутри и извне либо как самостоятельного региона, либо как части более крупных образований стало напоминать символический конструктор LEGO; в разных геополитических, цивилизационных, экономических и иных схемах географические контуры региона выглядят по-разному.

Зарубежные исследования, в которых конструируется регион, основываются не только на его географическом восприятии, но на планах и интересах внешних держав по геополитическому переформатированию этих территорий. Принципы внешнего или внутреннего конструирования Центральной Азии влияют на формирование моделей регионального развития. Эти модели предопределяют решения многих вопросов эволюции центральноазиатских стран и народов – от их самоидентификации до стратегических перспектив.

Но возникает вопрос – является или может ли быть регион Центральной Азии самостоятельным и самоценным образованием

или ему суждено быть лишь частью более крупных региональных образований? И не порождают ли извне сконструированные и порой выглядящие привлекательно внешние стратегии центральноазиатского регионализма искаженные стереотипы посредством ложных призм об искомым странах как слабых, несамодостаточных, ведомых и выполняющих лишь транзитную функцию

в международной системе? Основываясь на интеграционной парадигме, мы попытались проанализировать существующие региональные стратегии и проекты, инициированные США, РФ, КНР, ЕС, Турцией, Индией, Японией, Южной Кореей, рядом стран исламского мира, и выяснить, насколько соответствуют они представлениям и интересам самих региональных стран.

Формирование зарубежных стратегий по отношению к Центральной Азии

Несмотря на неоднозначность восприятия Центральной Азии мировым сообществом, соседние и глобальные державы стали формировать собственное представление о ней. В этих условиях, естественно, стали реанимироваться старые названия и характеристики региона¹.

В начальные годы независимого развития стран Центральной Азии в России сформировался образ региона как «среднеазиатского подбрюшья», которое с другими постсоветскими регионами вошло в новообразованное Содружество независимых государств (СНГ).

Запад в новых условиях тоже не стал акцентировать внимание на Центральной Азии как на отдельном регионе, а особо выделял

новое региональное образование (СНГ), о чем свидетельствует программа Европейского союза ТАСИС (TACIS-Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States, Техническая помощь Содружеству Независимых Государств)), созданная для содействия ускорению процесса экономических реформ в СНГ.

В Китае возродились традиционные геополитические представления о «Западном крае» (Сиюй). Острая необходимость решения пограничных проблем с тремя государствами региона и Россией, имеющих долготный характер, и процесс относительно безболезненного решения данной проблемы во многом определил положительное отношение Поднебесной к региону в целом.

Активизировались также проиранские, протурецкие и проиранские устремления, которые базировались на представлениях «центра и периферии», где новым государствам региона предназначалась роль периферии. Но по мере вхождения государств региона в мировую систему соответствующие устремления снизились или ушли в небытие.

Процесс национальных самоидентификаций пяти государств региона также осложнил формирование четкого регионального облика Центральной Азии. В ходе регионостроительства центробежные тенденции чередовались с центростремительными, так как нациостроительство требовало мобилизации ресурсов

¹ См.: Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии. – Алматы: Фонд им. Фридриха Эберта. - Июль 2015.

(экономических, политических, интеллектуальных и других) каждого из пяти государств региона.

Решение жизненно важных вопросов, таких как водно-энергетические, транспортно-транзитные, инфраструктурные, пограничные и иные, удерживали страны региона от полного отчуждения друг от друга. Процесс вхождения стран региона в мировое сообщество также актуализировал вопросы координации, кооперации или совместного выступления на различных региональных, межрегиональных и глобальных площадках.

Усиливалась геополитическая трансформация региона, ведущие мировые и региональные державы стали официально провозглашать и реализовывать свои так называемые центральноазиатские стратегии. В этих документах демонстрируется сосредоточенное внимание этих держав к Центральной Азии, вызванное их особыми интересами в данном регионе, и выдвигаются основания для проведения более активной и долгосрочной политики в этой части мира. Свои стратегии выдвинули Соединенные Штаты, Европейский Союз, Россия, Китай, Турция, Япония, Индия, Южная Корея.

Способы реализации стратегий внешних сил в Центральной Азии зачастую оказывались противоречащими друг другу. Это усиливало соперничество между ними за регион. Примечательно, что концептуальные представления о Центральной Азии как об особом географическом пространстве и его перспективах в подходах внешних держав заметно отличаются. Это подталкивало центральноазиатские

государства к поиску более адекватного ответа на растущие и разнотипные по характеру внешние воздействия.

Продвигаемые внешними силами концепции о переформатировании Центральной Азии повлияли не только на формирование внешнеполитических приоритетов государств региона, но и на их идентичность. Они держали страны региона в постоянном геополитическом и цивилизационном напряжении, вынуждая их реагировать на внешние вызовы.

Геополитическая турбулентность из-за обострившихся отношений США и ЕС с Россией осложняет глобальный контекст меняющегося мирового порядка и усиливает напряженность в Центральной Азии. Мировое сообщество и, конечно, страны Центральной Азии испытывают на себе реверс от эйфории окончания полувековой «холодной войны» в конце 1980-х к шоку от возобновления противостояния в настоящее время. От самоидентификации центральноазиатских народов и способов встраивания региона в миропорядок будет зависеть процесс регионостроительства.

Анализируя стратегии и концепции внерегиональных держав в Центральной Азии, не менее важно понимать, как они воспринимают и оценивают интересы друг друга в регионе. Часто эти оценки содержат элементы не только сотрудничества, но и соперничества.

Поэтому, формируя и реализуя свои концепции и стратегии по Центральной Азии, ведущие зарубежные стейкхолдеры (stakeholders) придавали и придают разный статус этому ре-

гиону. Для США, как представляется, он должен быть свободен от великодержавного доминирования и по возможности развиваться как подлинно независимый регион. Вашингтон признает важность и целесообразность кооперации в этом деле с Россией и Китаем, которые, как правило, многими рассматриваются как геополитические соперники США².

Для России Центральная Азия – это зона исключительно российского доминирова-

ния. Представители России – от официальных кругов до экспертного сообщества – регулярно повторяют мысль о нежелательности появления не российских военных баз в Центральной Азии. Для более строгой оценки различных концепций и стратегий по Центральной Азии ключевое значение имеют два момента: 1) отношение внерегиональных игроков к перспективам интеграции региона 2) отношение самих стран Центральной Азии к внешней регионализации.

² Starr, F. "The United States, Afghanistan, and Central Asia", in Nordic Newsletter of Asian Studies, no. 3 / 2002.

АМЕРИКАНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Соединенные Штаты Америки явились одними из первых в стратегической оценке значимости Центральной Азии в международной системе после распада СССР и разработке соответствующей стратегии. Американская стратегия с самого начала исходила из принципа регионализма в Центральной Азии. Процесс разработки американской стратегии в регионе осложнялся встречными действиями геополитических соперников, а также противоречивостью развития самих центральноазиатских стран.

Красноречиво эту ситуацию выразил в свое время известный американский геополитик: «Геостратегические импликации для Америки ясны: Америка слишком далека, чтобы доминировать в этой части Евразии, но слишком могущественна, чтобы не быть вовлеченной... Россия слишком слаба, чтобы восстановить свое имперское доминиро-

вание над регионом либо исключить такое доминирование других держав, но она слишком близка и сильна, чтобы ее исключать»³.

С тех пор содержание и способы воплощения американского варианта регионализма в Центральной Азии претерпели изменения. Первоначально Вашингтон концептуализировал Центральную Азию в рамках дискурса о возрождении Великого Шелкового пути (ВШП). В 1992 г. Конгресс США принял Закон о поддержке свободы, а в 1999 г. – Закон о Стратегии Шелкового пути. Первый санкционировал предоставление американской помощи 12 новым независимым государствам бывшего Советского Союза во время переходного периода от коммунизма к демократии и рыночной экономике. Второй охватывал страны Центральной Азии и Кавказа в рамках стратегии, направленной на поддержку проектов по созданию коммуникационных сетей (в частности, проекта ТРАСЕКА) между Европой и Азией через регионы Кавказа и Центральной Азии.

С самого начала в американской стратегии превалировал подход к Центральной Азии с позиции открытого регионализма, означающего, в противовес закрытому регионализму: во-первых, представление о несамодостаточности региона; во-вторых, представление о естественном геополитическом сопряжении Центральной Азии с соседними пространствами, такими как Южная Азия или Южный Кавказ; в-третьих, как следствие первого и второго, обоснование получения геополитического доступа к этому региону. Американ-

³ Brzezinski, Zb. The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives (BasicBooks – Harper Collins Publishers, Inc, 1997), p. 125, 148.

ская стратегия исключала или игнорировала возможность сопряжения Центральной Азии с пространством Евразии, где доминирует соперник США – Российская Федерация. Хиллари Клинтон, бывший госсекретарь США, еще в декабре 2012 года резко заявляла о недопустимости воссоединения евразийского пространства, напоминая Советский Союз, и решимости Соединенных Штатов противодействовать такой тенденции.

В центральноазиатской стратегии Вашингтон всегда стремился состыковать, на первый взгляд, несовместимые цели и принципы – нормативные и ценностные цели, с одной стороны, и соображения Realpolitik – с другой. Причем настойчиво как на официальном уровне, так и в экспертной среде цели США выражались в следующих формулировках: 1) развитие стабильных, демократических государств в регионе, включая разрешение региональных конфликтов; 2) поддержание дружеских отношений между государствами региона, а также с США и их союзниками; 3) содействие тому, чтобы экономики и природные ресурсы региона развивались так, как диктуют законы рынка, а не через эксплуатацию региональными и гегемонистскими державами⁴.

Сложность практической реализации двуединой политики США, где, с одной стороны, присутствуют демократические ценности, а с другой, необходимость проводить свои геополитические интересы, постоянно дает о себе знать. Например, политика в отношении Кыргызстана в период нахождения на его территории авиабазы контртеррористических

сил, основу которых составляли ВВС США. Нарушения демократических принципов правления в период президента К. Бакиева (2005-2010 гг) не были значительным препятствием на пути сотрудничества между США и Кыргызстаном и оказания ему значительной финансовой помощи. США были хорошо информированы о постоянно ухудшающейся обстановке в сфере прав человека в Кыргызстане, но предпочитали закрывать на это глаза, ставя во главу угла «более актуальные» геополитические интересы, в частности необходимость функционирования авиабазы на территории этой центральноазиатской страны.

Другой пример – отношения США и Узбекистана, который американцы назвали своим основным стратегическим партнером в регионе. Эти отношения носили и продолжают носить характер американских горок, где периоды потепления сменяются длительными фазами если не заморозки, то существенного похолодания. При этом ситуация с развитием политических реформ в Узбекистане за последние 20 лет кардинально не менялась. Очевидно, что неоднократные подъемы и спады в отношениях между странами были вызваны не существенным изменением ситуации внутри Узбекистана, а изменением геополитической обстановки для США, с одной стороны, и потребностью межстранового лавирования Узбекистана, с другой. При этом нельзя отрицать, что США, хотя и осторожно, периодически заостряли внимание на ценностных ориентирах. Так, нуждаясь в тесных союзнических отношениях с Узбекистаном, США напрямую увязывали оказание финансовой помощи этой центральноазиатской стране

⁴ The U.S. Congress Silk Road Strategy Act of 1999.

с необходимостью прогресса в области демократии. Закон о выделении ассигнований, подписанный президентом Бушем в конце февраля 2003 г., выдвигал жесткие требования к Узбекистану. Он запрещал оказание всякой помощи (не только военной), если государственный секретарь в своем докладе не сообщит Конгрессу о «существенном прогрессе» узбекского руководства в выполнении своих обязательств в сфере демократизации и соблюдения прав человека.

В реализации американской стратегии значение придавалось самоценности региона. В отличие от других внешних стратегий, где Центральная Азия выступает в качестве сырьевой и транзитной зоны или в качестве геополитического буфера, в американской – в качестве самостоятельного региона, призванного развиваться независимо от великодержавного доминирования. Получение доступа к Центральной Азии, обеспечение устойчивого американского присутствия в регионе призвано было служить реализации двуединой цели – нормативной и геополитической.

Со временем, американские взгляды на Центральную Азию эволюционировали в направлении его встраивания в более крупные географические ареалы. Возникла концепция Большой Центральной Азии (БЦА), в структуре которой присутствует Афганистан как ее органическая часть. Автор этой концепции утверждал, что «представления правительства США о географическом делении мешают осознать, что Афганистан, Казахстан, Кыргы-

зстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – это единый регион»⁵. Фактически, БЦА – это совокупность проектов, объединенных единым замыслом: «стимулирование демократических политических систем, способных служить образцом для других стран с многочисленным мусульманским населением. Продвижение к этим целям лучше всего осуществлять на региональной основе»⁶.

Еще одной вариацией американского проектирования центральноазиатского регионализма стала концепция Большого Ближнего Востока, обширного пространства от Магриба до Центральной Азии, по отношению к которому США проводят единую стратегию. Эта концепция основывалась на упрощенном представлении об этом пространстве, в котором расположены страны, якобы схожие по многим характеристикам, позволяющим объединить их в рамках общей стратегии.

В дальнейшем в США обозначилась определенная реконцептуализация региона в рамках дискурса о так называемом Новом Шелковом пути (НШП), основой которого могла бы стать Северная сеть поставок (Northern Distribution Network – NDN). В контексте вывода международных сил содействия безопасности в Афганистане из этой страны Центральная Азия вновь обратила на себя внимание как важнейший узел NDN, который мог бы служить базой для возрождения ее роли в качестве центра НШП. Операционные особенности NDN как эффективно

⁵ Фр.Старр. Партнерство для ЦентрАзии: изменение карты региона / «Россия в глобальной политике», № 4, июль - август 2005, www.globalaffairs.ru. Статья опубликована в журнале Foreign Affairs, № 4 (июль – август) за 2005.

⁶ Там же.

налаженных маршрутов вывода военной техники из Афганистана позволили выдвинуть идею НШП как обширной сети континентального транспортного сообщения и торговли⁷.

В целом, несмотря на попытки встраивания Центральной Азии в структуры более крупных образований, конструируемых Вашингтоном, регион не переставал выступать в его стратегическом планировании еще и как регион-в-себе. Не случайно в американских программах помощи страны Центральной Азии всегда стояли особняком как индивидуально, так и вместе. Эти программы никогда не были частью более крупных программ, направленных на БЦА или ББВ. В итоге, Большой Ближний Восток перестал быть столь большим, чтобы включать в себя Центральную Азию, а Большая Центральная Азия так и осталась абстрактной концепцией, не более чем символизмом из-за неадекватности и нецелесообразности искусственного расширения контуров Центральной Азии.

При всех вариациях центральноазиатской стратегии США очевидно, что константой этой стратегии остается принципиальная позиция, выраженная в формуле «Центральная Азия, свободная от доминирования великих держав» («great-power-free zone»)⁸. Не случайно в вашингтонских расчетах постоянно фигурирует мысль о той или иной форме корреляции американского присутствия в

Центральной Азии с влиянием России и Китая. Это подводит американцев к необходимости выделения этой части мира в категорию отдельного и самостоятельного региона.

Примечательно в этой связи, что 27 сентября 2015 г. в Нью-Йорке в рамках саммита Генеральной Ассамблеи ООН госсекретарь США Джон Керри встретился с главами МИД Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, «положив начало новому формату региональных дискуссий между госсекретарем и его центральноазиатскими коллегами»⁹. В этом формате (С5+1) будут обсуждаться вопросы общей заинтересованности США и этих стран. И в качестве практического шага в рамках данного формата госсекретарь США Джон Керри в конце октября – начале ноября 2015 года нанес визиты во все центральноазиатские страны, и 1 ноября 2015 г. в Самарканде состоялась первая встреча группы С5+18. Таким образом, США в своем конструировании региона от концепции Большой Центральной Азии вынуждены были обратиться к более реалистичному подходу.

Такой подход способен усилить заинтересованность региональных стран в политическом признании Соединенными Штатами внутреннего потенциала Центральной Азии к региональному развитию и ее геополитической субъектности в мировой системе. Вместе с тем, заново открыв для

⁷ The Northern Distribution Network and the Modern Silk Road. Planning for Afghanistan's future. (Washington, DC: A Report of the CSIS), December 2009.

⁸ Rumer, E. "The United States and Central Asia", in Central Asia: Views from Washington, Moscow and Beijing (N.Y.: M.E.Sharpe, 2007).

⁹ «Госсекретарь США провел форум с главами МИД центральноазиатских государств» <http://review.uz/index.php/novosti-main/item/4706-gossekreter-ssha-provjol-forum-s-glavami-midov-tsentralnoaziatskikh-gosudarstv>

себя Америку после распада советской сверхдержавы и уже накопив заметный опыт взаимодействия и сотрудничества с лидером мировой политики, центрально-азиаты соприкасаются с ним напрямую. То, что все пять стран Центральной Азии активно участвуют в многостороннем диалоге с Вашингтоном, показывает их заинтересованность в развитии нового формата взаимодействия. В этом неоднозначном процессе трансформации представлений политиков и простых людей о США сосуществуют как восторженные и позитив-

ные впечатления, так и настороженность и недоверие и, кроме того, рудименты советской подозрительности к ним. Нельзя не признать, однако, что Вашингтон всячески стремится культивировать свой позитивный имидж среди жителей Центральной Азии через различные проекты, программы помощи, содействие в обеспечении безопасности и укреплении независимости, студенческие и научные гранты, предоставление грин-карт и т.д., создавать и расширять таким образом лояльное себе сообщество.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Интересы Европейского Союза и его политика по отношению к Центральной Азии вытекают из природы самого этого Союза, который сегодня выступает на мировой арене не просто как объединение независимых государств, а как уникальный центр мягкой силы (soft power), проводящий консолидированную ценностно мотивированную внешнюю политику (value-driven policy). С одной стороны, интересы ЕС в Центральной Азии обусловлены потребностями в альтернативных источниках энергоресурсов, но они (эти интересы) не сводимы только к проблеме энергетики. Важно и то, что данный регион исторически политически и экономически сопряжен с Европой.

Европейский подход к Центральной Азии имеет, по меньшей мере, четыре важных аспекта:

1) ЕС здесь сам выступает в качестве региона, так что схема ЕС-ЦА – это межрегиональное взаимодействие. 2) Превосходство ЕС перед другими акторами в Центральной Азии в том, что он продвигает агрегированную, а не, так сказать, единоличную государственную политику. Даже по сравнению с другими ансамблями ЕС, очевидно, имеет более весомый авторитет именно как

ансамбль государств. 3) ЕС – это особый сетевой агент развития; он действует от имени своих государств-членов, а также в тандеме с другими европейскими и евроатлантическими структурами и фокусируется преимущественно на проблемах развития. 4) Европа посредством вовлечения в центральноазиатские дела имплицитно и эксплицитно культивирует европоцентризм «целевой аудитории» – странам и народам Центральной Азии; можно сказать, Европа подхватывает зарождающийся народный европоцентризм в этой части мира.

Евросоюз изначально исходил в своем видении и политике по отношению к странам Центральной Азии как составляющим единый регион. Это нашло свое отражение в своеобразной форме европейской политики относительно этих стран, которую условно можно обозначить, как «пять в одном». В частности, в бюджетах программ, разработанных для стран Центральной Азии, отдельно обозначались средства, направляемые на двусторонние проекты для каждой из пяти стран, и отдельно – на региональные проекты. При этом стратегическая задача получения прямого доступа к данному региону была обозначена как одна из приоритетных и совпала с формированием впервые у Европы, как растущего субъекта мировой политики, своей общей внешней политики и политики безопасности (common external and security policy). В отличие от США европейское конструирование Центральной Азии происходит не в глобальном контексте миссии мировой державы, а в континентальном контексте геополитической взаимосвязанности двух регионов.

Именно в Европе родилась концепция «Центральная Азия и Кавказ», связывающая два региона в один геополитический проект, предусматривающий транспортное и трубопроводное соединение Европы с Азией в обход территории

России. Выражением и воплощением этой концепции стала программа ТРАСЕКА (TRACESA), начало которой положено в 1993 г. Эта программа охватывала пять центральноазиатских и три кавказских (Азербайджан, Армения и Грузия) страны с главной целью создания обширной международной сети в сфере транспорта, логистики, инфраструктуры, телекоммуникаций и энергетики, связывающей Европу через Кавказ с Центральной Азией вплоть до границ Китая. По определению, такой проект предусматривал и сам способствовал внутрирегиональному и межрегиональному сотрудничеству.

Разновидностью этой концепции стало выделение Каспийского подрегиона в отдельную зону, что отразило эклектическое видение задач ЕС в этих геополитических пространствах, в которой собственные интересы европейских стран накладываются на филантропические и гуманитарные устремления. Ярким примером выдвижения каспийской стратегии стала программа ИНОГЕЙТ (INOGATE), инициированная в 1997 г. для содействия международному энергетическому сотрудничеству между ЕС и странами-партнерами от Черного моря и Южного Кавказа до центральноазиатского региона. Именно в контексте реализации проектов в рамках этой программы по транспортировке энергоресурсов резко актуализировались вопросы строительства транскаспийского газопровода и подключения центральноазиатских трубопроводов к проектируемой системе трубопроводов Набуко. Однако, столкнувшись с другими конкурирующими трубопроводными проектами, успех Набуко, ТКП и других транспортных проектов в обход российской территории пока остается зависимым от результатов этой конкуренции.

Помимо транспортных и энергетических проектов, нацеленных на Центральную Азию, ЕС

инициировала целый ряд существенных и перспективных для регионального развития Центральной Азии проектов, реализуемых в рамках программ ТЕМПУС, ЭРАЗМУС МУНДУС, БОМКА/КАДАП и др. Все они, с одной стороны, способствовали приобщению центральноазиатцев к европейским стандартам, а с другой стороны, налаживанию регионального и межрегионального взаимодействия. По мере разворачивания политики восточного партнерства ЕС, направленной на 6 бывших советских республик (Беларусь, Молдова, Украина, Азербайджан, Армения, Грузия), была введена в обиход и концепция «соседи соседей» (neighbors of the neighbors).

С введением должности постоянного представителя ЕС по Центральной Азии и проведением регулярных форумов «ЕС-Центральная Азия» произошла институционализация отношений ЕС-ЦА. В Европе заметно возрос интерес к региону как на политическом уровне, так и в экспертном сообществе. Активизировались такие аналитические платформы, как Мониторинг Центральной Азии ЕС (EUCAM), Центральноазиатская Обсерватория Дома Азии (CASA-ASIA Observatory Central Asia), Европейское общество центральноазиатских исследований (ESCAS) и другие.

Начиная с 1996 г., между центральноазиатскими государствами и ЕС были подписаны соглашения с одинаковым названием – Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Они стали своеобразным первоначальным толчком для предстоящей всеобъемлющей европейской стратегии в отношении Центральной Азии. Бывший Комиссар ЕС по внешним сношениям и Европейской политике соседства Бенита Ферреро-Вальднер в своем выступлении в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева в Астане 17 октября 2006 г. заявила: «Мы представляем собой два региона,

которые имеют много общего, чьи интересы переплетаются между собой и которые должны иметь более глубокие и более развитые отношения»¹⁰.

К 2007 г. опыт взаимоотношений в рамках СПС привел Евросоюз к решению о принятии специальной Стратегии по Центральной Азии сроком на пять лет. На ее реализацию ЕС выделила 750 млн Евро. Стратегия подразумевала проведение диалога и осуществление проектов в таких сферах, как снижение бедности и повышение благосостояния населения; поддержка демократических реформ и защита прав человека; строительство правового государства; хорошее правление (good governance); энергетическое сотрудничество; экономические реформы; а также содействие региональному сотрудничеству стран Центральной Азии. Эта Стратегия подверглась ревизии в июне 2015 г. в связи с завершением ее срока действия. Бюджет всех программ удвоился и составил 1,5 млрд евро.

Анализ содержания и опыта реализации Стратегии ЕС показывает, что Евросоюз всегда стремился найти оптимальный баланс между региональным и двусторонним подходами, все более склоняясь в ходе ее реализации к двустороннему сотрудничеству и более пессимистическому взгляду на перспективы региональной интеграции в этой части мира. Тем не менее при всем нарастающем европессимизме Центральная Азия никогда не теряла своего «лого» в европейском «лего». Известная группа, осуществляющая мониторинг европейской стратегии в Центральной Азии EUCAM, обратила внимание на рассматриваемый нами особый дуализм «внешнего-внутреннего ре-

гионализма». Под внешним регионализмом понимается открытый, а под внутренним – закрытый регионализм. В первом случае в региональное сотрудничество вовлекаются прилегающие к Центральной Азии страны, во втором оно ограничено рамками пяти стран¹¹. При этом EUCAM верно обращает внимание на то, что при сравнительно небольшом общем населении внутрорегиональное сотрудничество в Центральной Азии имеет небольшой потенциал, если оно не станет частью более широкого трансграничного экономического сотрудничества¹².

Одновременно с этим в докладе EUCAM говорится: несмотря на то, что не должно быть преувеличенных или преждевременных надежд на региональное сотрудничество в Центральной Азии, тем не менее стремление к новой современной центральноазиатской региональной идентичности заслуживает поддержки в надежде, что это естественно приведет к созданию аутентичных нормативных оснований¹³. Наконец, с точки зрения придания Центральной Азии более точных региональных координат, в Европе склоняются к закреплению ее в рамках Евро-Азии, нежели к соединению ее с Южной Азией, как это имело место до сих пор в смысле организации внешнеполитических отделов ЕС, ответственных за постсоветское пространство. Как представляется, в этой, с одной стороны, скептической оценке внутрорегионального объединения Центральной Азии и с другой стороны, в признании внутренних закономерностей такого объединения нашли свое точное отражение противоречивость, сложность и вместе с тем самоценность региональной интеграции Центральной Азии.

¹⁰ Цит. по: Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии на 2007-2013 гг.: предварительные итоги. Под. ред. А. Чеботарева. – Алматы, 2013. – С.11.

¹¹ Into EurAsia. Monitoring the EU's Central Asia Strategy. (Brussels: CEPS; Madrid: FRIDE, 2010), P.112.

¹² Там же, С. 112.

¹³ Там же, С. 112.

Назначая в апреле 2015 г. нового Специального Представителя ЕС по Центральной Азии Питера Буриана, Верховный Комиссар ЕС по внешней политике и политике безопасности Федерика Могерини отметила, что это назначение вновь продемонстрирует продолжение сотрудничества с ЦА, обеспечивая строгое присутствие Европы в таких сферах, как верховенство права, безопасность, энергетика, вода, образование и права человека, подчеркнув, что Центральная Азия является стратегическим регионом.

Самое интересное и важное, что присутствует в Стратегии ЕС и что страны Центральной Азии могли бы извлечь как главный капитал из взаимоотношений с Евросоюзом – это то, что Евросоюз, который сегодня представляет собой сравнительно успешный (если не сказать, единственно успешный) регион мира, осуществивший в полной мере интеграционный проект, может поделиться своим опытом с центральноазиатскими странами. Об этом прямо сказал, например, бывший глава Представительства Европейской Комиссии в Казахстане Адриан Ван дер Меер: «Мы готовы расширять наш опыт регионального сотрудничества в странах Центральной Азии»¹⁴. В отличие от США, РФ или КНР, политика которых в Центральной Азии вызывает стереотипные ге-

ополитические представления и рефлексию и, соответственно, ставит государства этого региона в ситуацию вынужденного балансирования между ними, Европейский Союз выдвинул достаточно инновационный подход к региону на основе собственного регионального опыта и региональной идентичности. Он предложил ценностно и общерегионально ориентированную стратегию, которая, по определению, не может не вызывать интереса. 21 декабря 2015 г. в Астане в ходе встречи в формате «ЕС – Центральная Азия» с руководителями МИД пяти стран региона, Верховный Комиссар ЕС Ф. Могерини подчеркнула, что новая Стратегия ЕС в регионе, «сильный знак политических инвестиций всеми странами участницами ЕС, всеми институтами ЕС с учетом того факта, что мы хотим инвестировать в стратегическое партнерство, стратегические отношения с Центральной Азией»¹⁵.

Страны Центральной Азии в свою очередь продемонстрировали свою заинтересованность этими предложениями, но парадоксальным образом пока достаточно сдержанны и осторожны в этой сфере из-за того, что сами оказались между геополитическим и нормативным выбором, тем самым пока игнорируя то, что видит в них Европа, а именно региональную общность.

¹⁴ Адриан Ван дер Меер. 50 лет Европейской интеграции – чему можно научиться? – Выступление Главы Представительства Европейской Комиссии в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. – Бишкек: Американский университет, 22 марта 2007г.

¹⁵ <http://www.astanatv.kz/news/show/id/43962.html>.

РОССИЙСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Россия в постсоветский период неоднократно меняла отношение к Центральной Азии. В начале 1990-х гг. Москва налаживала отношения с Западом и заняла по отношению к центрально-азиатским странам безразличную позицию. В середине 1990-х гг. главным ориентиром российской внешней политики Кремль провозгласил концепцию многополярности. Центральная Азия переосмыслилась как зона привилегированных российских интересов, заслоняющая опасное азиатское окружение¹⁶.

Россия лучше внерегиональных держав, продвигавшихся в Центральную Азию, понимала регион и взаимодействовала с ним. За счет культурной, цивилизационной, языковой общностей, сохранившихся за имперский и советский периоды истории, Москва стремилась упрочить позиции региональной державы в Евразии. Российское

военное присутствие в Таджикистане, экспорт Казахстаном и Туркменистаном углеводородов в Россию или через российские трубопроводы – сохранившиеся после распада СССР сферы сотрудничества сторон. В Центральной Азии это сотрудничество расценивалось как несистемное. Экономическая слабость и отсутствие последовательной стратегии в Центральной Азии не позволило России стать для региона привлекательным партнером¹⁷.

Прагматично выстраивать отношения со странами Центральной Азии Россия начала после смены политических элит в стране в начале 2000-х гг. и улучшений в российской экономике. Произошла идеологическая переоценка событий в новейшей истории России, и распад СССР был назван «геополитической катастрофой века»¹⁸.

Переосмыслить политику на центральноазиатском направлении Москву заставили возросшие угрозы терроризма и экстремизма, обозначившиеся в конце 1990-х начале 2000-х гг. Российские власти осознали, что захват в 1996 г. движением «Талибан» власти в Афганистане, теракты в США 11 сентября 2001г. и последовавшая военная кампания международной коалиции против талибов, поддержавших «Аль-Каиду», иностранное военное присутствие в Центральной Азии напрямую угрожают российским национальным интересам. Чтобы укрепить влияние и остановить обозначившийся дрейф от России, Кремль начал встраивать страны региона в собственные интеграционные проекты. Усилилось политическое, военно-техни-

¹⁶ Чжао Х., Тренин Д., Менон Р., Румер Е. Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина - <http://uchebnik-online.com/131/2386.html>

¹⁷ Парамонов В., Строков А. Этапы внешней политики России в Центральной Азии // Центральная Евразия - <http://ceasia.ru/dokladi/etapi-vneshney-politiki-rossii-v-tsentralnoy-azii.html>

¹⁸ Путин В. Послание Федеральному собранию - http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml

ческое, экономическое, культурно-информационное сотрудничество России и Центральной Азии.

Пророссийские инициативы реализовывались с переменным успехом. Центральноазиатские государства скептически воспринимали объединительные инициативы Кремля. СНГ расценивался как способ «цивилизованного развода» бывших союзных республик. Ташкентский Договор о коллективной безопасности 1992 г., закреплявший обязательства Москвы о военно-техническом сотрудничестве с центральноазиатскими странами, в действительности сводился к минимальному взаимодействию в военной сфере. Москва проигнорировала выдвинутую в 1994 г. идею президента Казахстана Нурсултана Назарбаева создать Евразийский союз. Только в 2000-х гг. Россия начала интегрироваться с государствами Центральной Азии в рамках новых форматов Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Таможенного союза (ТС), Единого экономического пространства (ЕЭП), Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Но реализуемые Россией интеграционные инициативы в регионе в основном опираются на российско-казахстанские отношения. Другие страны региона, например Узбекистан, неоднозначно воспринимают инициативы Кремля¹⁹. Экономическое обоснование вхождения Кыргызстана в ЕАЭС в мае 2015 г. выглядело неубедительно и скорее обуславливалось геополитическими мотивами.

Форсирование Россией присоединения стран Центральной Азии к пророссийским интегра-

ционным объединениям искажает внутрорегиональное строительство. Сохраняются опасения, что интеграционные проекты Москвы – это новая форма зависимости и ограничения суверенитета стран региона. Осторожное отношение к российским инициативам объяснимо также тем, что в государствах региона продолжается процесс национально-государственного строительства и вопрос делегирования надгосударственной структуре части суверенитета по-прежнему чувствителен. Показательна в этом контексте осторожность Таджикистана в отношении ЕАЭС, который рассматривается в российской экспертной и политической среде как следующий кандидат в члены союза.

Сегодня Россия воспринимает Центральную Азию как подверженный дестабилизации регион из-за внутривнутриполитической ситуации и угроз, исходящих из соседнего Афганистана. Москва стремится помочь центральноазиатским государствам предотвратить риски и обеспечить региональную безопасность²⁰. Не преуменьшая серьезности региональных угроз, представляется, что рассматривать Центральную Азию только через фактор безопасности не соответствует реалиям. Это ограничивает объективную оценку региона и мешает дальнейшему развитию экономических, социально-культурных связей России со странами региона.

Идею интеграции между самими государствами ЦА Россия оценивает неоднозначно. В их попытках создать единую интеграционную структуру для взаимодействия по сугубо региональным проблемам Москва видит вызов собственным интере-

¹⁹ Узбекистан второй раз выходит из ОДКБ - http://ria.ru/defense_safety/20120628/687288392.html; Каримов: Узбекистан не присоединится к ЕАЭС - <http://www.rosbalt.ru/exussr/2015/01/13/1356288.html>; Панфилова В. Ислам Каримов опасается дестабилизации страны - http://www.ng.ru/cis/2015-01-15/6_uzbekistan.html

²⁰ Например, доклады Российского совета по международным делам: «Интересы России в Центральной Азии» - http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_Central_Asia.pdf, «Содействие развитию государств Центральной Азии: стратегические горизонты российского участия» - http://russiancouncil.ru/common/upload/WP_Central_Asia_10_rus.pdf

сам. Разобшенная Центральная Азия с обилием внутрирегиональных проблем, по мнению некоторых российских экспертов, в большей степени соответствует интересам России, так как в такой конфигурации регион более податлив к управлению извне²¹. В Кремле предпочитают сотрудничество со странами региона под зонтиком патронируемых организаций – ЕАЭС и ОДКБ. Другой вариант – сотрудничество на двусторонней основе видится значимее для продвижения интересов Москвы, чем взаимодействие с единой региональной структурой²². В 2004 г. Россия присоединилась к Организации центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС), в которой ранее взаимодействовали четыре страны региона. В 2005 г. ОЦАС объединилась с ЕврАзЭС и вскоре прекратила существование. В Российском истеблишменте сформировалось устойчивое представление, что Центральную Азию следует воспринимать не как единый регион, а группу государств, каждое из которых формирует собственные векторы внешней политики.

Несмотря на декларируемое Москвой понимание объективности процесса диверсификации связей стран Центральной Азии с другими государствами и организациями, где Россия не участвует, на практике это воспринимается как антироссийский курс государств региона. Развитие сотрудничества центральноазиатских стран с Китаем, ЕС, США, НАТО, ОИС часто расценивается как продолжение «большой игры» в регионе, где Москва стремится затормозить экономические, энергетические проекты (ТРАСЕКА, Транскаспийский трубопровод, «Новый Шелковый путь» и др.). Часто Кремль

прибегает к экономическим рычагам давления на страны Центральной Азии, чтобы они отказались от сотрудничества с западными партнерами.

В то же время примеры сотрудничества России, стран Центральной Азии и США по урегулированию ситуации в Афганистане, укрепление взаимодействия России, государств региона и Китая в рамках ШОС подтверждают, что регион способен быть платформой для сотрудничества.

Анализ конструирования Россией Центральной Азии и продвижения в регионе тактических и стратегических целей показал, что в силу объективных факторов Москва продолжит оставаться партнером стран региона, стремясь развивать с ними как двусторонние, так и многосторонние форматы сотрудничества. Сохранение своих позиций на энергетическом рынке Центральной Азии остается серьезной задачей Кремля. Россия продолжает формировать образ державы, способной и готовой оказать поддержку центральноазиатским странам для противодействия декларируемым угрозам региональной безопасности.

Но недостаток ресурсов не позволяет России влиять на векторы внешнеполитического и социально-экономического развития Центральной Азии. В Москве по-прежнему отсутствует цельная и внятная стратегия в регионе. Провозглашенная и реализуемая центральноазиатскими странами многовекторная политика по

²¹ См.: Затулин К., Мигронян А. – СНГ: начало или конец истории. К смене вех // Независимая газета от 26 марта 1997 г.; Сафранчук И. Центральная Азия и евразийская интеграция // Россия в глобальной политике №1, 2015 г. - <http://www.globalaffairs.ru/number/Globalizatsiya-v-golovakh-17313>

²² Там же.

диверсификации международных связей стала естественной реакцией, прежде всего, на непоследовательную и переменчивую политику Кремля.

Меняющаяся геополитическая конъюнктура в мире ведет к изменчивости внешнеполитической стратегии России, в том числе по отношению к Центральной Азии. Отсюда восприятие в регионе курса Москвы как ситуативного, под-

страивающегося под действия иных внерегиональных игроков, в котором нет устойчивого и четкого обозначения региона в системе российских национальных интересов. Очевидно, что такое положение дел не может стратегически устраивать государства Центральной Азии, ожидающих от России, ясной и последовательной стратегии, в которой были бы минимизированы геополитические амбиции, а во главу угла в отношениях были бы поставлены принципы взаимной выгоды и уважения права выбора.

КИТАЙСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Руководство Китая в свое время неоднозначно отнеслось к появлению новых государств у своих северо-западных границ. Это несло в себе риски и вызовы для Пекина. Между Китаем и граничащими с ним новыми постсоветскими государствами имелись спорные участки территорий. Отсутствие договорно-правовой базы по делимитации границ с новыми соседними государствами усугубляло проблему и вызывало беспокойство Пекина. Укрепление суверенитета центральноазиатских государств усиливало идеи сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР).

Вместе с тем Центральная Азия рассматривалась как коридор для продвижения экономических интересов модернизирующегося Китая в Европу. Переменчивость, доминировавшая на постсоветском пространстве в начале 1990-х гг., подтолкнула Пекин взять курс на скорейшее решение территориальных вопросов с государствами Центральной Азии. Китайские власти исходили из того, что фундаментальные основы безопасности и целост-

ности территории страны обеспечатся тогда, когда окончательно определятся и закрепятся на основе договора границы КНР с каждым государством Центральной Азии и с Россией.

Пекин поддержал предложение Москвы провести переговоры по вопросу границ в многостороннем формате. Для этого имелись объективные причины. Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, которые на основе правопреемственности вели с Китаем переговоры по установлению границы, не имели нужных архивов, картографических материалов, историко-правовых, методических и других необходимых материалов. Формат «совместной делегации» с Россией позволил трем центральноазиатским странам получить у Москвы необходимые протоколы советско-китайских переговоров, консультационную и политическую поддержку. Китай поддержал российское предложение о создании многостороннего формата переговоров по проблеме, что свидетельствовало о готовности рассматривать тогда Центральную Азию как некую отдельную единицу.

Сложившаяся условная формула «4+1» определила первоначальное отношение Пекина к Центральной Азии как не к самодостаточному региону, а идущему в фарватере внешней политики России. Созданная на основе этой формулы «Шанхайская пятёрка» (позднее ШОС) заложила основы архитектуры отношений сторон. В последующем ШОС стала главной площадкой для расширения регионального сотрудничества Китая с государствами Центральной Азии. Эта организация сбалансировала амбиции Пекина в регионе.

Взаимодействие Пекина с центральноазиатскими странами ускорилось с 2000 г. Китай избрал курс на наращивание со странами региона торгово-экономических связей. Инвестирование в экономики стран Центральной Азии рассматривается КНР как бонус для нейтрализации угрозы уйгурского сепаратизма, способного найти поддержку в регионе. Несмотря на сохраняющуюся среди центральноазиатских политических элит осторожность в отношении КНР, Пекин укрепил имидж значимого партнера и союзника государств региона.

КНР инвестирует в создание разветвленной транспортной, энергетической инфраструктуры, которая свяжет Центральную Азию с Поднебесной и одновременно обеспечит ей продвижение в западном направлении. Вложения в развитие инфраструктуры центральноазиатского региона Пекин обуславливает необходимостью ускорить социально-экономическое развитие СУАР.

С 2013 г. приоритетным для Китая стал новый геополитический проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Обозначенные цели проекта торгово-экономические – соединить сеть железных и автомобильных дорог Китай и Европу через Центральную Азию и Россию. Создание транспортных и транзитных сообщений в регионе за счет китайских инвестиций способно решить общую для центральноазиатских стран проблему – отсутствие выхода к морю. Но целый ряд факторов делают эту стратегию «пятого поколения» китайских лидеров фактически геостратегической концепцией.

Взаимодействуя с Центральной Азией, имея многосторонний зонтик в виде ШОС, Китай в то же время выстраивает долгосрочные партнерские отношения с каждой страной региона в отдельности. В Пекине усвоили, что между центральноазиатскими странами не решены внутрорегиональные проблемы, поэтому взаимодействие на региональной основе способно привести к сбоям в реализации китайских проектов. Если проект предполагает вовлечение нескольких центральноазиатских государств, КНР договаривается отдельно с каждой страной ЦА. Учет Пекином особенностей «центральноазиатской дипломатии» очень ценится в регионе и устраивает стороны.

Китай приступил к использованию многосторонних, интеграционных площадок для продвижения собственных инициатив. Пример тому – соглашение о совмещении китайского проекта ЭПШП и ЕАЭС. В Пекине понимают, что на центральноазиатском поле предстоит взаимодействовать с Москвой, считающей регион сферой российского влияния. Приоритетное положение России в обеспечении безопасности региона даже выгодно Пекину, опасаящегося, что идеи сепаратизма в Синьцзяне способны получить неофициальную поддержку в Центральной Азии.

Взаимодействие Китая с Россией в Центральной Азии в рамках ШОС и иных многосторонних объединениях чревато при этом тем, что Москва сдерживает проекты и инициативы Пекина, опасаясь усиления китайского присутствия в регионе. Пример тому – создание Банка развития ШОС. В Поднебесной, не вступая в полемику, транс-

формировали подходы и приступили к созданию собственных региональных многосторонних проектов. Китайские проекты – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Один пояс – один путь/Экономический пояс Шелкового пути – основывается на многостороннем принципе сотрудничества, но главный центр влияния – Пекин²³.

Центральноазиатская стратегия Китая проявляется в отсутствии открытой конкуренции за доминирование в регионе, но за счет углубления двусторонних торгово-экономических отношений усиливается политическое влияние Поднебесной в Центральной Азии.

Вместе с тем китайские инфраструктурные проекты требуют кооперации между центральноазиатскими странами на региональ-

ных площадках ШОС или ЭПШП. Представляется, что Пекин не возразит, если среди государств региона наметится тенденция к консолидации и регионализации, так как это укрепит воплощение китайских инициатив и проектов. Отсутствие консолидации между центральноазиатскими странами региона чревато тем, что китайские проекты реализуются исключительно на условиях КНР.

В странах региона в целом заинтересованное, прежде всего, экономически мотивированное отношение к стратегии КНР, и растет осознание, что Пекин не стремится, по крайней мере, сейчас опосредовать свою экономическую активность политическими условиями. Это дает определенный карт-бланш самим странам Центральной Азии, используя создающиеся возможности решить ряд актуальных и важных национальных и региональных задач.

²³ Габуев А. Уфы друзья: почему ШОС и БРИКС значат для России больше, чем для других участников // Московский центр Карнеги - carnegie.ru/2015/07/07/ru-60620/id1r

ТУРЕЦКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Турция изначально заняла проактивную позицию в Центральной Азии, одной из первых признав независимые страны Центральной Азии. В 1992 г. турецкий президент Т. Озал предложил странам Центральной Азии и Азербайджану совместно реализовать давнюю идею создания единого тюркского мира. Страны региона неоднозначно реагировали на турецкие инициативы. Соглашаясь с тем, что языковая, культурная и религиозная близость – важные факторы для сотрудничества, страны Центральной Азии не были полностью удовлетворены предлагаемой моделью взаимодействия, где им бы отводилась роль ведомых.

При этом многие турецкие политики считали, что Анкара может и должна быть провайдером в сфере рыночной экономики и политической демократизации. В этом контексте центральноазиатские страны рассматривали Турцию двойственно: и как мусульманскую державу, и как часть геополитического Запада, так как страна является членом НАТО, давно обозначила стремле-

ние к сближению и вхождению в ЕС.

Важную связующую роль играет созданная в 1993 г. Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРК–СОЙ). Наряду с достижением устойчивого экономического роста, укреплением региональных позиций и значения Турции, Анкара попыталась конвертировать эти факторы в усиление своих позиций в Центральной Азии.

Турецкие политические и интеллектуальные круги изначально испытывали излишнюю эйфорию по поводу гипотетического тюркского мира и многие ожидания турецкой стороны не оправдались. Для этого были как объективные, так и субъективные причины. Хотя и Турция, и страны Центральной Азии являются светскими, тем не менее бытование религии в турецком обществе и обществах стран региона имеют свои различия. Создать политическую общность на основе фактора этноязыковой близости довольно сложная задача. Общность языков и культур выступала благоприятным фоном для развития политических и торгово-экономических связей со странами региона, но их потенциал имел естественные ограничения, что и предопределило тот факт, что Турция заняла позиции в числе важных, но не ключевых внешних партнеров стран региона.

Идея тюркского мира получила новый импульс 3 октября 2009 г., когда был создан Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) в составе Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции с секре-

тариатом в Стамбуле. Кроме того ранее в ноябре 2008 г. была создана Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТюркПА) в составе названных четырех стран. При этом участники призвали Узбекистан и Туркменистан, два очень важных для полноценного сотрудничества тюркоязычных государства, присоединиться к организации. Как известно, эти две страны сдержанно относятся к созданию многосторонних организаций. В частности, Узбекистан опасается в подобных форматах сотрудничества ограничения своего суверенитета. Не являясь формально членом ССТГ, Туркменистан в силу политической специфики и нейтрального статуса стремится прагматично развивать двусторонние связи на многосторонних площадках. Туркменский лидер принял участие в саммите организации в 2014 г., где, в частности, обсуждались планы по развитию транспортной инфраструктуры. В целом, Ашхабад имеет сравнительно теплые отношения с Турцией в отличие от Узбекистана.

На старте ССТГ ее генеральный секретарь, представитель Турции Х. Акынды, заявил о наличии далеко идущих планов «по укреплению истоков вечного братства». При этом, по словам турецкого дипломата, «никто не должен быть «старшим братом, должны учитываться взаимные интересы стран»²⁴.

Турция не смогла объединить все центральноазиатские тюркоязычные страны, но прагматично использует все дорожки, и двусторонние, и многосторонние. В силу по-

литических причин наиболее непростые отношения с Турцией остаются у Узбекистана. Ташкент подчеркнуто прохладно относится к инициативам Анкары. Хотя Турция ввела безвизовый режим для всех стран Центральной Азии, включая Таджикистан, Ташкент оставил визовое ограничение для турецких граждан. Казахстан приветствует турецкую активность в регионе. Отношения двух стран не омрачены политическими противоречиями, что создает благоприятную возможность для торгово-экономического взаимодействия. Кыргызстан крайне заинтересован в политической и финансово-экономической поддержке Турции и стремится подчеркнуть союзнические отношения с последней. Таджикистан хотя и оказался на периферии турецкой стратегии в регионе, тем не менее в Анкаре переосмысливают важность этой страны для региональной стабильности и безопасности.

Образовательные программы, совместные школы, лицеи и университеты, выделение стипендий – все эти элементы «мягкой силы» сыграли свою роль. Сосуществование светскости и религии, открытой экономической модели и демократических принципов в политике делают Турцию привлекательной для значительной части обществ центральноазиатских стран.

Немаловажную роль в восприятии Центральной Азии в Анкаре играет турецкое евразийство, которое пока не имеет единой интерпретации в политической и экспертной среде. Для одних евразийство – это

²⁴ В рамках Совета тюркоязычных государств планируется создание Таможенного союза // <http://1news.az/economy/20101217045324209.html>

общность Турции с тюрками Кавказа и Центральной Азии, для других – это более широкая платформа, включающая также Россию, Иран, Китай. Еще более широкое толкование евразийства в турецкой экспертной среде включает Пакистан и Индию. Меняющееся позиционирование Анкары подвигло ее на то, что Турция стала партнером по диалогу ШОС, а также продемонстрировала заинтересованность в сотрудничестве с ЕАЭС.

Анкара переосмыслила свою стратегию в регионе. Турция не стремится быть здесь элементом западной политики, а играть более самостоятельную роль, но при этом позиционировать себя, как и прежде, узловым звеном между Европой, Закавказьем и Центральной Азией. Другим очевидным сдерживающим турецкие амбиции фактором является отсутствие общей границы со странами Центральной Азии. Кроме того структура и объем торгово-экономических связей, инвестиционный потенциал Турции не позволяют стране быть одним из ключевых внешних игроков.

Таким образом, идея тюркского единства остается привлекательным фасадом для развития связей стран региона с Анкарой, а для Турции служит поддержкой ее международ-

ных амбиций. Напоминание о языковых, исторических и культурных узах придает взаимоотношениям стран Центральной Азии и Турции символическую солидарность в международной политике. При этом риторика о тюркском братстве используется в основном в отношении стран региона с Турцией, отчасти с Азербайджаном и, что показательное, не так часто в отношении государств Центральной Азии друг с другом. Серьезным тестом для идеи тюркского единства стал кризис в турецко-российских отношениях, последовавший после 24 ноября 2015 г. Показательно, что страны Центральной Азии заняли по этой проблеме нейтрально сдержанные позиции.

Страны Центральной Азии в целом усвоили уроки отношений с Турцией и по крайней мере три из них (Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан) положительно воспринимают развитие и углубление отношений с ней, но осознают пределы возможностей Анкары. Ключевые межстрановые вопросы и вызовы Центральной Азии могут быть успешно решены только самими региональными государствами. При этом, немаловажным является вовлечение в региональный процесс Таджикистана, историко-культурная и этно-территориальная тождественность с которым у его тюркоязычных соседей довольно глубока.

ИРАНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

В постсоветский период в Центральной Азии начался естественный процесс возрождения мусульманских ценностей, что усилило интерес исламского мира к региону. Ведущие государства мусульманского сообщества намеревались расширить региональное присутствие за счет исламизации центральноазиатской политики.

В период гражданской войны в Таджикистане – с 1992 – 1997 гг. – Тегеран поддержал оппозиционную к действующей таджикской власти Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Сохранив светский характер, государства Центральной Азии стали настороженнее относиться к влиянию Ирана. Демонстрация странами региона предпочтения экономического взаимодействия модифицировала центральноазиатскую стратегию ИРИ. В основу сотрудничества легла культурно-историческая общность, призванная усилить экономическое сотрудничество Ирана со странами Центральной Азии.

В Тегеране исторически Центральная Азия воспринималась как часть Большого Хорасана, охватывающего восточные районы современного Ирана, Афганистан, Туркменистан, Узбекистан и Таджикистан. Современный концепт альянса персоязычных стран также основывается на идее этноязыковой, религиозной и культурно-исторической близости Ирана, Афганистана и Таджикистана. Тем не менее распространение иранского культурного влияния в Центральной Азии, где преобладают сунниты ханафитского мазхаба, сдерживает шиитская доктрина ислама.

Экономическое сотрудничество Ирана с центральноазиатскими странами усилилось в 1992г. после вступления последних по инициативе Тегерана в Организацию экономического сотрудничества (ЭКО). Приоритетом взаимодействия в рамках ЭКО стала интеграция транспортно-коммуникационной, энергетической, сельскохозяйственной, промышленной, научной и образовательной сфер стран-участниц. Такое взаимодействие призвано было укрепить привязку Центральной Азии к иранской экономике.

В рамках ЭКО реализовался проект строительства железной дороги Мешхед-Серахс-Теджен, соединившей иранские железнодорожные магистрали с центральноазиатскими и открывшей кратчайший путь из региона на Ближний Восток и в Европу. Расширение торгово-экономических связей с центральноазиатскими странами частично компенсировало Ирану непростые отношения с государствами Персидского залива. Стратегическое значение Центральной Азии для Ирана обосновывалось

необходимостью усиливать безопасность северных и восточных районов ИРИ.

Интересы в Каспийском регионе – другая сфера, определяющая долгосрочное присутствие Ирана в регионе. Помимо Ирана две центральноазиатские страны – Казахстан и Туркменистан – входят в прикаспийский регион, чем объяснимо плотное взаимодействие с ними ИРИ.

Сдерживающим фактором во взаимодействии Ирана с государствами Центральной Азии стало их взаимодействие с евроатлантическими структурами, с которыми у Тегерана непростые отношения. Противоречия между мировыми державами и ИРИ по иранской ядерной программе, политическая и экономическая изоляция, обвинения в поддержке терроризма ограничивало сотрудничество Тегерана с центральноазиатскими странами.

После разрешения проблемы ядерной программы Тегерана государствам Центральной Азии важно осознать, что усиление роли и влияния Ирана в исламском мире и сопредельных регионах откроет новые возможности и вместе с этим усложнит региональную повестку. Уже сегодня ИРИ усиливает сотрудничество с центральноазиатскими государствами за счет участия в качестве наблюдателя в ШОС.

Достигнутый в июле 2015 г. Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД)

по иранской ядерной программе снимет санкции, а значит, не останется сдерживающих причин для полноценного участия в ШОС. После отмены санкций интенсифицируется взаимодействие Ирана с центральноазиатскими государствами в экономической, транспортной, логистической областях. Сделанное после достижения СВПД заявление Тегерана о планах вступить в ВТО и заключить торговые отношения с ЕС и Центральной Азией²⁵ может привести к диверсификации экономических связей ИРИ и государств ЦА. Возрастет интерес Ирана к китайским инфраструктурным проектам в Евразии, что спровоцирует конкуренцию между ним и странами Центральной Азии.

В контексте иранских амбиций, вероятно появление новой волны интереса к Центральной Азии со стороны других исламских государств. Странам региона понадобятся новые тактики и стратегии взаимодействия с ИРИ и странами мусульманского мира. Такое балансирование взаимодействия стран Центральной Азии способно привести к четкой взаимной координации действий по вопросам двусторонней и региональной повестки. В целом центральноазиатские страны видят в Иране важного регионального игрока и партнера в торгово-экономической, транспортно-коммуникационной сферах и в области безопасности и Тегеран стремится также прагматично реализовать свой потенциал, не фокусируясь на идеологических различиях.

²⁵ Иран готовится вступить в ВТО и хочет ЗТС с ЕС - <http://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2015/07/23/7036210/>

ЮЖНОАЗИАТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ИНДИЯ И ПАКИСТАН

Рассматривая влияние внешних проектов на Центральную Азию, нельзя не отметить растущую роль таких крупных региональных держав, как Индия и Пакистан. Сотрудничество этих двух стран с государствами Центральной Азии имеет исторические корни. Однако последние два столетия межстрановые (межрегиональные) связи носили опосредованный характер, поскольку Индия ранее, а Центральная Азия до недавних пор по историческим меркам, были частью двух мировых империй – Британской и Российской, затем Советского Союза. Соответственно, у Индии и Пакистана не было никаких собственных проектов в отношении Центральной Азии. Кроме того, глубокие экономические и социальные проблемы как в странах Южной, так и Центральной Азии не делали расширение сотрудничества между ними актуальным.

С изменением экономического и политического потенциала этих стран стали меняться

и их внешнеполитические подходы. В 2003-2005 гг., например, Индия подписала двусторонние соглашения с Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном о сотрудничестве в вопросах противодействия терроризму. Активизировалась военно-политическая кооперация между Индией и Таджикистаном, берущая свое начало с момента подписания в 2002 г. соглашения о сотрудничестве, в частности на базе таджикского аэродрома Айни, который занимает стратегическое положение относительно крупных геополитических соперников Индии – Китая и Пакистана.

Индия – растущий экономический гигант, темпы развития экономики которой являются одними из самых высоких в мире. Естественно, экономические амбиции Индии не могут не вести за собой изменения во внешнеполитической сфере. Если к этому добавить и растущие геополитические задачи, стоящие перед «самой большой в мире демократией», то становится очевидным, что Центральная Азия естественным образом представляет для этой страны большой интерес.

Согласно внешнеполитической стратегии Индии, Центральная Азия входит в зону т.н. расширенного соседства, где главная задача видится в уравнивании влияния мировых держав, снижении для Индии рисков и угроз и расширении возможностей сотрудничества. Страны региона рассматриваются Индией не только как поле для сотрудничества и устранения угроз, но и как возможность для продвижения собственного растущего влияния в мире. Своя концепция или инициатива «Нового Шелкового пути»,

так же как у Китая и США, есть и у Индии. Она направлена на укрепление сотрудничества со странами Центральной Азии. Визит в июле 2015 г. премьер-министра Нарендра Моди в страны региона был призван одновременно закрепить достигнутый уровень сотрудничества и поставить новые задачи в этом направлении.

В целом, интерес и, соответственно, направление деятельности Индии в центрально-азиатском регионе можно поделить на три крупных блока.

- Во-первых, экономический. Это доступ к энергетическим ресурсам региона, прежде всего нефтегазовым, и расширение рынка сбыта для индийских товаров. К тому же это создание через Центральную Азию транспортного коридора между Индией и большой Евразией, которая представляется значительным рынком сбыта для Индии.

- Во-вторых, геополитический. У современной Индии есть два основных геополитических соперника – Пакистан и Китай. Обе эти страны, с разной долей успеха, стараются влиять на страны Центральной Азии и продвигать через них свои интересы. Естественно, Индия не может оставаться в стороне и тоже намерена проводить политику расширения вовлеченности в дела региона.

- В-третьих, культурный. Условно в этот блок входит все, что подразумевается под т.н. мягкой силой, использование которой представляется обязательной для любой страны, претендующей на значительную

роль в геополитических играх мира. Сюда входят образовательные, культурные, медицинские, социальные программы и т.п.

Относительно интереса к Центральной Азии со стороны Пакистана можно сказать, что в значительной степени его основу составляет то же, что уже сказано в отношении Индии. Пакистан – крупная страна, со значительным населением и существенным экономическим потенциалом. Это серьезная военная региональная держава, которая имеет свои геополитические интересы. Следовательно, интерес Пакистана к региону также лежит в трех плоскостях:

- Экономической. Расширение рынка сбыта для своих товаров. Развитие инфраструктурных проектов, в частности нефтегазовых, дорожных и электрических. Наглядным примером такого сотрудничества может служить проект CASA-1000 по производству электроэнергии в Центральной Азии и продаже ее в Афганистан и Пакистан.

- Геополитической. Здесь для Пакистана, так же как и для Индии, важно иметь свою зону влияния в регионе, который в силу общей религиозной принадлежности к исламу приобретает свою специфику и несколько иную, чем у Индии, направленность.

- Культурной. Здесь также имеет большое значение исламский фактор, который Пакистан старается использовать как один из эффективных инструментов распространения своей мягкой силы.

Говоря о роли Индии и Пакистана в условном списке внешних проектов для стран Центральной Азии, можно сказать, что эти две страны стоят в ряду потенциально крупных экономических и политических систем, могущих оказывать влияние на развитие Центральной Азии. Вместе с тем потенциал влияния этих стран на регион пока в существенной мере остается непроявленным и, следовательно, нереализованным. У Индии, как и у Пакистана, пока нет значительных экономических возможностей, как, например у Китая, для широкомасштабного продвижения своих инфраструктурных и финансовых проектов. Несколько десятков имеющихся проектов в Казахстане, Узбекистане и других странах региона не идут в сравнение с сотнями и даже тысячами, запущенных Китаем. Нет у них и претензий на глобальное лидерство через продвижение геополитического влияния и демократических ценностей, как это делает США. И наконец, у этих стран нет серьезных геополитических претензий для того, чтобы претендовать на Центральную Азию как на зону своего влияния, как это пытается делать Россия.

Следует отметить одно – интерес этих стран к государствам региона будет расти, следовательно, усилится и желание играть

здесь более существенную роль. Очевидно, что главным стимулом для Индии в этом процессе станет увеличение ее экономической мощи и желание уравновешивать влияние ее главных соперников – Китая и Пакистана. Для Пакистана также будут иметь значение его экономические потребности и желание усилить свое влияние через религиозную общность с народами Центральной Азии.

Можно предположить, что ведущие страны Южной Азии относятся нейтрально к проектам внутрирегионального сотрудничества государств Центральной Азии, оставляя этот вопрос самим странам региона. При этом, можно видеть, что в политических элитах Индии и Пакистана регион воспринимается как некая общность. Соответственно, очевидно и другое: растущий экономический и геополитический потенциал Индии и Пакистана представляет интерес и для самих стран Центральной Азии. Их рынки сбыта, их инфраструктура и выход на морские порты, их огромный человеческий потенциал и культурное наследие – все это может и должно стать предметом пристального внимания стран региона. В конце концов, внешние проекты могут быть не только в отношении стран центральноазиатского региона, но и наоборот.

ЯПОНСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Центральноазиатская стратегия Японии формировалась медленно, но последовательно и согласованно. Причинами медленности были: а) удаленность Центральной Азии от Японии, глубоко континентальное расположение в Евразии, что для островной страны ставило данный регион ниже ее географических приоритетов; б) сохранявшееся инерционное представление обо всем постсоветском пространстве как зоне доминирования России; в) отсутствие существенных экономических интересов для развития торговли и экономического сотрудничества со странами Центральной Азии. Последовательность же и согласованность, всегда присущие японской политике, в том числе на центральноазиатском направлении, выразились в постепенном постижении особого географического расположения и стратегической значимости этого региона по другую сторону от тех мировых держав, с которыми граничит сама Япония.

Первоначально в новом открытии Японией Центральной Азии сыграло свою роль то, что появление новых государств совпало с фундаментальной трансформацией всей глобальной системы миропорядка и архитектуры международной безопасности. Тогда зазвучала концепция «от Ванкувера до Владивостока», возникли новые вызовы и угрозы региональной и международной безопасности, в частности, угроза распространения терроризма и экстремизма с территории Афганистана, и постсоветские страны как бы оказались между формирующимися Евроазиатской и Евроатлантической архитектурами безопасности. Все это заставило Японию внимательнее присмотреться к Центральной Азии.

С самого начала отвергая концепцию геополитической Большой игры, Япония сосредоточилась на девелопментальной (developmental) стратегии по отношению к Центральной Азии, включая такую амбициозную идею, как строительство 7000-километрового газопровода от Туркменистана до Таримского бассейна на западе Китая. Итак, Центральная Азия в глазах японцев вновь оживила память о Великом Шелковом пути. Первая стратегия Японии в этом направлении так и называлась – «Дипломатия Шелкового пути», принятая в 1997 г. и ставшая частью более обширного проекта «Евразийской дипломатии». Она предусматривала, помимо прочего, небывалую помощь со стороны Японии странам данного региона в форме займов и грантов. Японская помощь странам Центральной Азии по объему составляет 30% всей помощи на развитие, предоставляемой крупными

державами, членами ОЭСР. Параллельно с этим офисы Агентства по международному сотрудничеству Японии (JICA) начали открываться в столицах центральноазиатских стран. В Японии даже обсуждали возможность вступления этого государства в ШОС, но консенсус не был достигнут.

Постепенно у японцев пришло осознание важности регионального сотрудничества и интеграции в Центральной Азии. Бывший посол Японии в Узбекистане вспоминает, что он предлагал узбекским властям, что интеграция по типу АСЕАН могла бы отвечать интересам всех центральноазиатских стран в укреплении их политического статуса и экономик²⁶. В японском конструировании Центральной Азии появилась и геополитическая риторика: регион мыслился как «буферная зона для поддержания мира» в силу того, что ее окружают Россия, Китай, Иран и Афганистан²⁷.

В 2004 г. японский премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми выдвинул инициативу «Центральная Азия плюс Япония», которая обозначила две основы политики Японии в Центральной Азии: 1) расширять усилия для упрочения двусторонних отношений и развития связей между Японией и каждой центральноазиатской страной; 2) продвигать диалог со всем центральноазиатским регионом ради поддержки внутрирегионального сотрудничества с целью дальней-

шего развития стран Центральной Азии²⁸. Таким образом, большой акцент был сделан на стимулировании и поддержке региональной интеграции стран Центральной Азии. Эта стратегия подразумевает политический диалог; внутрирегиональное сотрудничество; продвижение бизнеса; интеллектуальный диалог; культурные и межличностные обмены. В этой связи нельзя не упомянуть в качестве примера созданную при Университете Цукуба программу магистратуры специально для студентов Центральной Азии. В части, касающейся внутрирегионального сотрудничества, особое внимание уделено энергетике, воде, транспорту, коммуникациям, торговле, инвестициям, окружающей среде, а также борьбе против общих угроз, таких как терроризм, нелегальная торговля наркотиками и вопросу восстановления Афганистана.

Наконец, последовательное развитие японской внешнеполитической стратегии, в том числе на центральноазиатском направлении, достигло того уровня, когда эта мировая держава выдвинула концепцию «Дуга свободы и процветания», основанную на проактивной ценностно ориентированной дипломатии. Эта концепция охватывает обширную географическую зону, куда входят Центральная и Восточная Европа, регион Черного моря, Ближний Восток, Центральная и Южная Азия и страны АСЕАН. Продвижением этой выработанной стратегии стало историческое региональное турне

²⁶ Kawato. A. What is Japan up to in Central Asia? – Christopher Len, Uyama Tomohiko, Hirose Tetsuya, eds., “Japan’s Silk Road Diplomacy. Paving the Road Ahead” (Washington, DC: Johns Hopkins University-CACI, 2008), p.22.

²⁷ “Central Asia Should Serve as Eurasian ‘Buffer Zone’”, in The Daily Yomiuri, December 5, 1997, p.15.

²⁸ White Paper on Japan’s Overseas Development Assistance 2005 – Central Asia and Caucasus section, www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2005/ODA2005/html/honpen/hp202030300.htm (May 5, 2006).

японского премьер-министра Синдзо Абэ, посетившего 22-28 октября 2015 г. все пять стран Центральной Азии. Эта стратегия не может не вызывать интерес в регионе, о чем свидетельствует в целом успешное турне японского премьера в страны Центральной Азии.

Таким образом, в японском глобальном конструировании регионов Центральная

Азия вновь выступает самостоятельным регионом. Причем, страны, охваченные этой новой стратегией, становятся зоной приложения японской мягкой силы, т.е. проецирования идей демократии, прав человека, верховенства закона и реформ. Япония не сомневается в самостоятельной ценности и идентичности региона Центральной Азии и, более того, постоянно убеждает страны этого региона в важности и необходимости региональной интеграции.

ЮЖНОКОРЕЙСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Во внешней политике Южной Кореи существует несколько направлений.

Главные из них: 1) построение мира и доверия на корейском полуострове. Это политика по выстраиванию отношений с Северной Кореей, 2) продолжение курса на укрепление отношений с США, ключевым экономическим и военным партнером страны, 3) создание механизмов сотрудничества в Восточной и Северной Азии, 4) евразийская инициатива. Политика в отношении стран Центральной Азии является частью именно этой инициативы. Выдвинутая 18 октября 2013 г. президентом Южной Кореи Пак Кын Хе, евразийская инициатива предполагает открытие и отказ от ядерного оружия Северной Кореи посредством мирного процветания Евразии и воссоздания Шелкового пути. В таком контексте эта инициатива созвучна китайскому мегапроекту ЭПШП.

Ключевыми терминами южнокорейской евразийской концепции являются «один континент», «мирный континент», «эпоха Евразии», «экспресс Шелкового пути», предполагающие объединение Дальнего Востока, начиная с Республики Корея, Сибири, Центральной Азии, пересекая Урал и Кавказские горы, Восточную и Западную Европу. По мнению лидера Южной Кореи Пак Кын Хе, «энергетическая инфраструктура, включающая электрические магистрали и нефтегазовые трубопроводы в регионах, должна быть объединена, исходя из географических характеристик, при которых сосуществуют наибольшие мировые страны – производители и потребители». И далее: «усиленные пути логистики и энергетики Евразии не только снизят стоимость логистики и оживят мировую торговлю, но также обеспечат рост мировой экономики посредством стабилизированной цены сырья»²⁹.

Соответственно, еще одной важной частью евразийской инициативы в отношении со странами Центральной Азии является выстраивание способов и инструментов продвижения корейских интересов в этом регионе. Эти интересы лежат в торгово-экономической плоскости. Поэтому Южная Корея не стремится конкурировать с внешнеполитическими концепциями других региональных акторов и положительно смотрит, например, на китайскую инициативу ЭПШП, которая укладывается в логику развития региона, с точки зрения Южной Кореи. Строительство железнодорожных путей, в частности, позволит доставлять товары из корейского города

²⁹Евразийская инициатива» президента Пак Кын Хе // <http://www.nuac.go.kr/russian/sub04/view01.jsp?numm=36>

Пусан через Центральную Азию в Европу в два раза быстрее, чем по морскому пути, что представляется экономически привлекательным.

Южнокорейская политика в отношении пяти стран центральноазиатского региона характеризуется рациональностью. Развитие региона будет означать больше возможностей для реализации здесь корейских товаров и развития совместных проектов. Превалирующим в отношении со странами Центральной Азии является «консьюмеристский» подход, где Южная Корея выступает в роли производителя товаров, а страны региона в качестве их перспективного потребителя. Что касается сотрудничества в различных областях экономики, то они имеют специфику в каждой из центральноазиатских стран.

Узбекистан является крупнейшим торговым партнером Республики Корея, куда идут основные потоки корейских товаров, тогда как Казахстан занимает первое место по объемам экспорта в Южную Корею. Это и неудивительно, поскольку основой экспорта из стран региона являются сырьевые товары, которыми наиболее богат Казахстан. Практически из всех стран Центральной Азии в Южную Корею поступает хлопок, алюминий из Таджикистана, золото из Кыргызстана, уран, медь, цинк, железо из Казахстана. Более половины бюджета помощи КОИСА (корейская организация международного сотрудничества) странам региона направляется на программы содей-

ствия развитию Узбекистана и Казахстана, что говорит о субприоритетах Кореи здесь.

Кроме торговли у Сеула существуют масштабные совместные проекты в Центральной Азии. В числе ключевых и показательных – производство автомобилей в Узбекистане. Еще одним направлением является участие южнокорейской стороны в развитии тепловой и ядерной энергетики Казахстана. В экономическом сотрудничестве с другими центральноазиатскими странами Корея делает акценты на иных направлениях. Например, в Кыргызстане на стадии реализации находятся несколько проектов: развитие промышленных тепличных хозяйств в Чуйской области, выращивание лекарственных трав в Иссыккульской котловине, строительство и эксплуатация малых ГЭС. В Туркмении же логичнее выглядит сотрудничество в газовой отрасли.

В целом, развитие отношений между Кореей и странами Центральной Азии характеризуется прагматичным подходом и стабильным, хотя и не резким, ростом, о чем в том числе говорит знаковый, с точки зрения формирования приоритетов внешней политики, центрально-азиатский вояж президента Южной Кореи Пак Кын Хе в 2014 г., а также проведение в начале октября 2015 г. в Сеуле девятого форума «Южная Корея – Центральная Азия». В этом контексте южнокорейские подходы корреспондируют с японской стратегией в регионе, имеющей аналогичный формат взаимодействия³⁰.

³⁰ Стратегии союзников США Японии и Южной Кореи, изначально придерживавшихся формулы «5+1», возможно также повлияли на трансформацию подходов Вашингтона, создавшего аналогичный формат.

Сеул в своей евразийской стратегии преследует две ключевые цели. Во-первых, открытие и вовлечение Северной Кореи в интеграционный процесс с Югом. Во-вторых, открытие ресурсного потенциала евразийских стран и государств Центральной Азии в частности. При этом, Сеул дает ясный сигнал, что готов к взаимовыгодному взаимодействию по формуле «технологии в обмен на доступ к сырьевым ресурсам». Таким образом, на первом месте в отношениях Республики Корея и стран региона стоит экономический интерес, а роли распределены следующим образом: Южная Корея – производитель и поставщик товаров, страны

Центральной Азии – потребители товаров и поставщики сырья. Кроме того, Страна утренней свежести выступает для стран региона в роли технологического ориентира. Прагматизм этой стратегии в том, что Южная Корея готова работать с регионом в целом, если сами региональные страны будут заинтересованы в подобном формате, либо на двусторонней основе, развивая торговое и инвестиционное сотрудничество. Сеул ясно дает знать, что не имеет державных геополитических амбиций в регионе. В этом контексте страны Центральной Азии с интересом воспринимают южнокорейские инициативы, призванные диверсифицировать их внешние связи.

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКО- ГО LEGO К РЕГИОНАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Рассмотренные нами мировые и региональные державы в своих внешнеполитических стратегиях обозначили не только существование географического региона мира под названием «Центральная Азия», но и свое особое политическое отношение к нему. Развивая свою центральноазиатскую стратегию, они тем самым вовлекали государства региона – коллективно и индивидуально – в систему международных отношений.

Приобретенный опыт участия государств Центральной Азии в системе международных отношений высветил дуализм «внешнего – внутреннего регионализма». Этот дуализм влияет на формирующуюся идентичность стран и народов региона, а также на стратегические решения властей центральноазиатских стран.

Окончательное разрешение этого дуализма зависит от способности стран Центральной

Азии дать коллективный ответ на все варианты внешнего конструирования посредством внутреннего конструирования. Причем, внутрирегиональная модель необязательно должна вступать в противоречие с внешними моделями. Появление такой дуалистической ситуации в Центральной Азии закономерно в силу прямой геополитической и историко-цивилизационной сопряженности этого региона с территориями, принадлежащими перманентно геополитически активным державам. Именно поэтому та или иная форма стыковки региона с крупнейшими прилегающими театрами геополитических процессов вполне естественна и неизбежна.

Но как будет выглядеть и осуществляться такая стыковка? У всех внешних вариантов центральноазиатского конструирования имеются свои сильные и слабые стороны, свои pro и contra. Центральная Азия не может существовать и развиваться без активной вовлеченности в межрегиональные и континентальные проекты. Многие такую вовлеченность стали именовать интеграцией, что и привнесло заметную терминологическую дезориентацию и деформацию в процесс внерегионального, регионального и субрегионального самоопределения пяти стран. Вовлеченность в крупные проекты, имеющие широкие пространственные координаты, еще не есть интеграция.

Отметим, что есть ряд принципиальных отличий внешнего конструирования Центральной Азии от регионостроительства в составе пяти государств.

1. Ни один из выдвинутых проектов внешнего регионализма не содержит ни принципов, ни

механизмов, ни нормативных основ, которые должны служить драйверами интеграционного процесса.

2. Такие институциональные основы существовали (ЦАЭС/ОЦАС) внутри Центральной Азии.

3. Крупные проекты инициируются со стороны одной державы и, несмотря на их кажущийся многосторонний формат, все же имеют характер одностороннего доминирования интересов этой державы.

4. Все эти проекты внешнего конструирования Центральной Азии при всей их привлекательности подразумевают не полноценную межстрановую интеграцию, а определенную форму встраивания этого региона в крупные образования. Они в силу этого будут оставаться ad-hoc (ситуативными) конструкциями, устойчивость которых будет зависеть от международной геополитической конъюнктуры.

5. В результате во внешних конструкциях центральноазиатские страны обрекаются на роль ведомых и зависимых.

6. Внешние конструкции Центральной Азии, несмотря на их объединительную риторику, зачастую разъединяют региональные страны, поскольку они не только не содержат способов разрешения внутрирегиональных проблем и конфликтов, но и добавляют к ним новые внерегиональные.

Не случайно отношение к центральноазиатской интеграции неоднозначное и, мы можем предположить, например, что США поддерживают эту идею; Россия – отрицает; Китай – безразличен; а Евросоюз – сомневается. Мы также предполагаем, что большинство региональных держав поддерживают идею объединения стран Центральной Азии. Что же касается исламского мира, то очевидно, что общей концепции или стратегии в отношении Центральной Азии не может быть, поскольку такие стратегии разрабатываются из единого политического центра, которого в исламском мире нет. Тем не менее есть цивилизационное и геополитическое притяжение между этим миром и Центральной Азией, которое также обладает определенным потенциалом влияния на национальное и региональное переформатирование.

Следует заметить, что всякий внешний, укрупненный проект регионализации, в котором Центральная Азия выступает как часть более крупного региона, приводит к нивелированию и выхолащиванию сущности центральноазиатской конструкции. В результате того, что эти страны постоянно искали и выдвигали не региональный, а национальные ответы на все варианты внешнего конструирования, сузилось пространство и ослабла созданная ранее основа регионального единства.

Центральноазиатские государства в поисках своих национальных моделей и стратегий нередко сами способствовали внешнему реконструированию региона, создав о себе впечатление как о нежелающих двигаться к региональному сотрудничеству и объединению. Логика независимости и естественного регионализма диктовала центральноазиатам

отвечать на вызовы внешних региональных моделей еще большим взаимодействием и консолидацией. Однако вместо этого они не продолжили свои усилия по развитию внутрирегиональной платформы, растворив ОЦАС в ЕврАзЭС, которое в свою очередь прекратило свое существование в 2014 г. Главный урок, который государства Центральной Азии должны извлечь из полученного опыта взаимодействия в рамках различных макро-региональных структур, сконструированных извне, заключается в том, что если и суждено участвовать в таких моделях, пристегивающих Центральную Азию к более крупным образованиям, то целесообразно это делать сообща, иницилируя и продвигая в них единую позицию пяти государств, отстаивая свою региональную идентичность.

Таким образом, анализ подводит нас к следующему: вопрос не только о том, чем является регион Центральной Азии, но и в том, чем он не является? А он не является органической частью тех региональных конструкций, создателями которых выступают те или иные великие державы. Регион не готов к восприятию внешних конструкций из-за незавершенности своего внутреннего политического дизайна. Вопрос также в том, как осуществить стыковку этого региона с прилегающими зонами.

Проблема дуализма «внешний-внутренний регионализм» разрешается в некоторой степени с помощью самих внерегиональных держав, которые, с одной стороны, не смогли до

сих пор встроить Центральную Азию ни в какую более широкую региональную структуру, а с другой – всегда явно или неявно придавали Центральной Азии (даже просто называя ее этим именем) самостоятельное региональное значение, и в итоге подтвердили самоценность и автономность региона. В этой связи 2015 год оказался достаточно символическим: в этот год произошло несколько важных для Центральной Азии событий, подчеркнувших регионализм в этой части мира, а именно: ЕС обновил свою центральноазиатскую стратегию; премьер-министр Японии Синдзо Абэ впервые нанес визиты во все пять стран региона, в ходе которых акцентировал внимание на важности регионального сотрудничества; был создан формат C5+1 и госсекретарь США впервые нанес визиты во все пять государств региона; премьер-министр Индии Нарендра Моди также нанес визиты в эти государства. Эти мировые державы тем самым явно признают, что пять стран Центральной Азии неразрывно связаны региональными узами. Все остальные державы не артикулировали в своей стратегии региональное измерение Центральной Азии, но, несмотря на это, явно признают то же самое.

Определившись по поводу особенностей центральноазиатского LEGO, полагаем важным обратиться к анализу конкретных вопросов строительства центральноазиатского регионального дома и поискам решений существующих проблем в отношениях между самими странами региона.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Санат Кушкумбаев, (Казахстан, Астана), политолог, доктор политических наук. Работал в аналитических центрах и университетах, внешнеполитическом ведомстве Казахстана. Сфера научных интересов - проблемы внешней политики, международных отношений, регионального сотрудничества и безопасности в Центральной Азии.

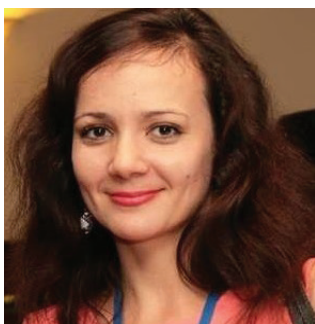
Абдугани Мамадазимов, (Таджикистан, Душанбе), председатель Национальной ассоциации политологов Таджикистана, доцент кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета, кандидат политических наук. Автор 4 научных монографий и более 50 научных и научно-аналитических статей в национальных и зарубежных печатных изданиях.

Фарход Толипов, (Узбекистан, Ташкент), директор негосударственного образовательного учреждения «Караван знаний». Политолог, имеет степень PhD в области политических наук, специализируется в вопросах международной и региональной безопасности, современной геополитики, региональной интеграции в Центральной Азии. Автор более 130 научных публикаций и 1 монографии.

Тамерлан Ибраимов (Кыргызстан, Бишкек), председатель правления в Центре политико-правовых исследований, получил образование в Кыргызском Национальном Университете по специальности юриспруденция. Имеет степень Мастер права (LLM), Вашингтонский Колледжа Права, Американский Университет в Вашингтоне, округ Колумбия, США. Имеет степень кандидата юридических наук.

Галия Ибрагимова (Узбекистан, Ташкент). Консультант ПИР-Центра политических исследований в Москве, политолог, кандидат политических наук. Выпускница программы «ProjectManagement-Professional» (PMP) Узбекско-японского центра развития человеческих ресурсов. Автор публикаций в таких изданиях как «Востокведение», «Индекс Безопасности», «RussiaDirect», «Российский совет по международным делам». Сфера научных интересов: вопросы безопасности и развития в Центральной Азии, информационная и кибер-безопасность.

**Центральноазиатское LEGO:
кто конструирует регион**

Авторский коллектив:

Санат Кушкумбаев, доктор политических наук
Фарход Толипов, кандидат политических наук (PhD)
Абдугани Мамадазимов, кандидат политических наук, доцент
Тамерлан Ибраимов, кандидат юридических наук
Галия Ибрагимова, кандидат политических наук

Элла Бычкова – корректор

*Подписано в печать 12.01.2016 г. Печать офсет.
Гарнитура «Minion Pro». Формат изд. 60x84/8.
Бумага офсет. Объем 6,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз.
ИП Волкова Н.А., г. Алматы, ул. Райымбека, 212/1.
Тел. 8(727)330-03-12, 330-03-13.*